

А.А. Сизова

Арина Петровна Головлева

Головлева Арина Петровна — персонаж романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», глава головлевского дома. В начале романа «...женщина лет шестидесяти, но еще бодрая и привыкшая жить на всей своей воле. Держит она себя грозно; единолично и бесконтрольно управляет обширным головлевским имением».

В уезде Арина Петровна слывет одной из самых богатых помещиц, но живет «уединенно, расчетливо, почти скупое, с соседями дружбы не водит».

Семейная жизнь ее сложилась несчастливо, Арина Петровна «охотно говорит о себе, что она ни вдова, ни мужняя жена». После свадьбы как-то сразу обнаружилось, что никаких общих чувств и помыслов они с мужем не имеют, потому «размолвки не заставили долго ждать себя. Постепенно разрастаясь и ожесточаясь, размолвки эти кончились со стороны жены полным и презрительным равнодушием к мужу-шуту, со стороны мужа — искреннею ненавистью к жене, ненавистью, в которую, однако ж, входила значительная доля трусости. Муж называл жену «ведьмою» и «чертом», жена называла мужа — «ветряною мельницей» и «бесструнной балалайкой». Так они прожили более сорока лет и нажили четырех детей.

Со временем Арина Петровна окончательно отстранила мужа от управления имением, Владимир Михалыч «совсем одичал... а ежели изредка и выходил из спальни, то единственно для того, чтоб просунуть голову в полурастворенную дверь жениной комнаты, крикнуть: “Черт!” — и опять скрыться».

«С тех пор, сказавши себе раз навсегда, что муж ей не товарищ, она все внимание свое устремила исключительно на один предмет: на округление головлевского имения, и действительно в течение сорокалетней супружеской жизни, успела удесятерить свое состояние». Предприимчивость и расчет головлевской барыни вызывали невольное уважение и даже страх местных помещиков: «С изумительным терпением и зоркостью подкарауливала она дальние и ближние деревни, разузнавала по секрету об отношениях их владельцев к Опекунскому совету и всегда как снег на голову являлась на аукционах».

Погоня за «благоприобретением» становится смыслом жизни Арины Петровны, центром всех ее духовных и нравственных запросов: «...бывало, ночью не спишь, все тебе мерещится, как бы так дельцо умненько обделать, чтоб до времени никто и пронюхать об нем не мог!» Часто рассказывала она детям о первых шагах на пути «округления» головлевских имений. В холод и распутицу, в крестьянской кибитке приезжала молодая головлевская барыня в Москву, останавливалась в самых дешевых номерах в грязном постоялом дворе. «На извозчика, бывало, гривенничка жаль, — на своих на двоих от Рогожской до Солянки пру! Даже дворники — и те дивятся: барыня, говорят, ты молоденькая и с достатком, а такие труды на себя принимаешь!»

Слово «семья» не сходит с языка Арины Петровны, все силы этой умной, «одаренной творчеством», волевой женщины направлены на процветание семьи, и внешне семья благоденствует: «Припасла я детям свой пай... Шутка сказать, четыре тысячи душ!» Но это внешнее благополучие обернулось злом для окружающих ее людей, а семья постепенно распадается, вымирает, окончательно гибнет.

Так намечается то трагическое противоречие в жизни Арины Петровны, которое приведет ее к страшному и жалкому концу.

Духовная атмосфера головлевского дома становится все более угнетающей, подавляются живые человеческие чувства, искажаются родственные связи, «умертвия» следуют одно за другим. «Вот дяденька Михаил Петрович... которого дедушка Петр Иванович

заточил к дочери в Головлево, где он жил в людской и ел из одной чашки с собакой Трезоркой». «Вот тетенька Вера Михайловна, которая из милости жила в головлевской усадьбе у братца Владимира Михайлыча и которая умерла “от умеренности”, потому что Арина Петровна корила ее каждым куском, съедаемым за обедом, и каждым поленом дров, употребляемым для отопления ее комнаты». Жестокость и равнодушие прикрываются лицемерными рассуждениями о семейных «святынях», пустословие заменяет сочувствие.

В этом мире росли и воспитывались дети, но даже они «не затрагивали ни одной струны ее внутреннего существа, всецело отдавшегося бесчисленным подробностям жизнестроительства». Арина Петровна «только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предприятиями, когда никто не мешал ее деловым разговорам с бурмистрами, старостами, ключницами и т.д.».

Из экономии она кормила детей впроголодь и требовала послушания, «чтобы при каждом поступке спрашивали себя: что-то об этом маменька скажет?». Но Степка-балбес «из постылых» все-таки забирался на кухню, чтоб «стянуть пирог» и разделить его с братьями, за что подвергался самым жестоким избиениям. В сознании Арины Петровны дети были одной из «фаталистических жизненных обстановок», поэтому все внешние родительские обязанности она выполняла как тяжелый, но неотвратимый долг.

Дочь ее Анна Владимировна получила образование и воспитание в благородном институте, старший сын Степан закончил университет, двое младших сыновей служили в Петербурге. Но мать никогда не задумывалась над тем, что рядом с ней живые люди со своим миром чувств, интересов, страданий. Рассуждая о будущем детей, Арина Петровна только «все старалась угадать, который из них ей злодеем будет». Когда старшие «постылые дети» действительно не оправдали ее надежд, она поступила решительно: выбросила им «кусок», который, впрочем, в то же время должен был изображать собой и «родительское благословение». При этом ее успокаивало и тайное сознание того, что «...оба эти случая... не только не произвели ущерба в финансах... но косвенным образом даже способствовали округлению головлевского имени, сокращая число пайщиков в нем».

К смерти дочери, а затем и старшего сына Арина Петровна отнеслась равнодушно, цинично сообщив Порфирию Владимычу: «Как жила твоя сестрица беспутно, так и умерла, покинув мне на шею своих двух щенков».

Но как бы ни «оцепенела» Арина Петровна «в апатии властности», она все чаще ощущает смутную тревогу: что-то неладное происходит в ее жизни. Процветание головлевского дома все более ожесточает его обитателей, дети превращаются в «извергов». Не раз из души ее вырывался трагический вопль: «И для кого я всю эту прорву коплю! для кого я припасаю! ночей недосыпаю, куска недоедаю... для кого?!»

Отмена крепостного права окончательно подорвала внутренние силы властной барыни. В экономическом отношении ее имение не пострадало, но размышления о пустяках, о грязных мелочах быта (а они давно уже составляли главное содержание ее жизни) породили целую «фантазмагорию будущего». «То представится: ходит она по пустому дому, а людишки в людскую забрались и жрут! То покажется, что заглянула она в погреб, а там Юлька с Фешкой так-то за обе щеки уписывают, так-то уписывают! Хотела было она реприманд им сделать — и поперхнулась... теперь они вольные, на них поди и суда нет!»

Управлять огромным имением Арине Петровне становится тяжелее, теперь ей хотелось опоры и поддержки, и она решается на раздел имения, отделив среднему «ласковому» Порфирию лучшую часть, Павлу — похуже.

Арина Петровна внутренне ощущала лицемерие Порфирия, видела, что глаза у него «словно петлю закидывают». Но ведь никто из детей не мог так ласково ободрить «милого друга маменьку», столь преданно выполнить все родственные обязанности почтительного сына. Впервые в жизни Арина Петровна поверила, дала волю материнскому сердцу, желая

«...выставить во всем блеске свои способности перед ласковым сыном». Порфиша умолил маменьку управлять его имением «безотчетно, получать с него доходы и употреблять по своему усмотрению».

«С этих пор на Арину Петровну нашло затмение. Тот внутренний образ Порфиши-кровопивца, который она когда-то с такой редкой проницательностью угадывала, вдруг словно туманом задернулся. Казалось, она ничего больше не понимала, кроме того, что, несмотря на раздел имения и освобождение крестьян, она по-прежнему живет в Головлеве и по-прежнему ни перед кем не отчитывается. Тут же, под боком, живет другой сын — но какая разница! Тогда как Порфиша и себя и семью — все вверил маменькиному усмотрению, Павел не только ни об чем с ней не советуется, но даже при встречах как-то сквозь зубы говорит!».

Пробуждение было жестоким. Когда Иудушка увидел, что капитал маменькин уменьшился на столько, что жить на проценты с него «сделалось почти невозможным», он потребовал самый жесткий отчет, в котором рядом с главными хозяйственными предметами стояли малина, грибы, крыжовник. Оскорбленная и негодующая Арина Петровна вместе с внучками-сиротами переселилась в Дубровино к «подлецу Павлушке». «Из бесконтрольной и бранчливой обладательницы головлевских имений Арина Петровна сделалась скромною приживалкой в доме младшего сына, приживалкой праздною и не имеющею никакого голоса в хозяйственных распоряжениях. Голова ее поникла, спина сгорбилась, глаза потухли».

Вынужденное бездействие приводит к горьким раздумьям: «...во имя семьи она подвергала себя лишениям, истязала себя, изуродовала всю свою жизнь — и вдруг выходит, что семьи-то именно у нее и нет!»

Впереди пустота, бедность, одиночество, рядом спившийся Павел, а ласковый и почтительный Порфирий оказался тем предполагаемым «злодеем», который действительно ограбил ее. И Дубровино после смерти Павла переходит к «законному наследнику» Иудушке. Пришлось Арине Петровне переехать в сиротское имение Погорелку. Как и раньше, в решительные минуты Арина Петровна проявляет хозяйственную смекалку, трезво рассчитывает ближайшее будущее в «упалой» усадьбе, гневно пресекает все мелочные домогательства Иудушки.

Но давние тяжелые предчувствия вскоре сбылись: приходят старческие немощи, «потянулось удручающее однообразие тусклых дней и вечеров». Пережитые страдания, горькие разочарования наконец-то заставили ее по-другому взглянуть на близких людей. «Она поняла, что в человеческом существе кроются известные стремления, которые... раз проснувшись, уже неотразимо влекут человека туда, где прорезывается луч жизни». Она не удерживает внучек, Анниньку и Любиньку, которые стремятся покинуть постылую Погорелку.

«...Чем больше она дряхла, тем сильнее сказывалось в ней желание жизни. Или, лучше сказать, не столько желание жизни, сколько желание «полакомиться», сопряженное с совершенным отсутствием идеи смерти».

Ради «сладкого куска» она готова простить Иудушке все обиды и предательства. «Все наклонности завзятой приживалки — празднословие, лстивая угодливость ради подачки, прожорливость — росли с изумительной быстротой».

Все было забыто, и «Арина Петровна зачастила в Головлево. Отведывала с Иудушкой и индюшек, и уток, спала всласть и ночью, и после обеда и отводила душу в бесконечных разговорах о пустяках».

Но и этому «сказочному житью» приходит трагический конец. Неожиданный приезд Петеньки, отказ Иудушки в помощи сыну еще раз жестоко обнаруживают всю суть изуродованной жизни Арины Петровны, всецело поглощенной скопидомством. «И сдается ей, что она все ту же знакомую повесть слышит, которая давно, и не запомнит она когда, началась. Закрылась было совсем эта повесть, да вот и опять нет-нет возьмет да и

раскроется на той странице... <...> Настала минута, когда перед умственным ее оком предстали во всей полноте и наготе итоги ее собственной жизни».

Душевный порыв, нравственное прозрение заставили Арину Петровну решиться на страшный шаг — проклясть родного сына. Но это уже ничего не могло изменить.

Духовные и физические силы ее были подорваны, через несколько месяцев когда-то властная головлевская барыня «умерла, опутанная со всех сторон праздностью, пусто-словием, пустоутробием».